

Для цитирования: Чернов, Л. С. Религиозно-мифологические аспекты памяти о Великой Отечественной войне в творчестве Василя Быкова / Л. С. Чернов, Е. Ю. Погорельская // Социум и власть. — 2024. — № 2 (100). — С. 7—20. — DOI: 10.22394/1996-0522-2024-2-07-20. — EDN HPNTJY.

УДК 128

EDN HPNTJY

DOI: 10.22394/1996-0522-2024-2-07-20

РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ВАСИЛЯ БЫКОВА

Чернов Леонид Сергеевич,
Уральский государственный
горный университет,
доцент кафедры философии
и культурологии,
кандидат философских наук, доцент.
Екатеринбург, Россия.
ORCID: 0000-0003-2277-2899
E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Погорельская Елена Юрьевна,
Гуманитарный университет,
доцент кафедры социально-культурного
сервиса и туризма,
кандидат философских наук.
Екатеринбург, Россия.
ORCID: 0000-0002-9723-465X
E-mail: schreibigus@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируется проблема памяти о Великой Отечественной войне в повести «Карьер» белорусского писателя Василя Быкова. Память о войне, как демонстрируют авторы статьи, обладает особыми качествами и характеристиками для тех, кто в ней участвовал, для тех, кто действительно хочет помнить войну и реально её помнит.

Цель. В работе показано, как возможно на основе материала повести В. Быкова «Карьер» истолковать феномен памяти в мифологическом и религиозном модусах.

Методы. В статье используется феноменологический метод А. Августина и М. Хайдеггера, выводящий к экзистенциальным временным рядам «внутреннего человека», а также метод креативной герменевтики, позволяющий за художественным полотном текста В. Быкова проследить устойчивые смысловые структуры.

Научная новизна исследования. Мифологический аспект памяти возвращает героев в точку и событие «начала», в котором произошло формирование целостной само осознающей личности, в онтологическое событие, конституирующее фундамент идентификации человека. Таким событием является событие трагическое, экзистенциальное. Это событие остаётся в памяти актуальным, не преходящим, не исчезнувшим и, определяет характеристики субъекта-памяти всю жизнь. Этот аспект памяти противостоит «историческому времени», согласно которому прошлое в памяти уже ушло; следует жить и думать сегодняшним-настоящим и будущим. Религиозный аспект памяти повести в истолковании авторов статьи заключён в том значении памяти, которое она имеет в деле преодоления власти времени. Опираясь на аналитику Августина, предложенную им в «Исповеди», авторы сближают логику исследования памяти В. Быковым в этой повести и рассуждения епископа Гиппонского.

Результаты. Память наделяет события прошлого живыми качествами настоящего времени и, тем самым, память как «память о жертве-выкупе», с одной стороны, постоянно призывает верующего христианина думать о смерти, а с другой стороны — она же является инструментом победы над ней. В деле спасения религиозный человек должен помнить себя, свои поступки/проступки, своих близких, жертву тех и Того, кто выкупил своей смертью эту жизнь и жизнь вообще. В массовой культуре, в нерелигиозном мировосприятии, в историческом отношении к жизни такое отношение к памяти отрицается и вызывает непонимание. Отсюда — отношение

к памяти о войне в творчестве В. Быкова кажется устаревшим, архаическим и неактуальным, с чем авторы данной статьи не соглашаются.

Выводы. Авторы статьи делают вывод о том, что позиция писателя фронтовика В. Быкова в отношении памяти о войне является позицией «парадоксального свидетельства» и эта позиция позволяет автору действительно максимально достоверно и психологически точно описывать из «мира неживого» ту область мёртвого, ужасного, нечеловеческого, которые война создаёт и производит. И, оказывается, что помнить об этом и думать про это необходимо, чтобы быть подлинно живым.

Ключевые слова:
Василь Быков,
повесть «Карьер»,
война,
смерть,
Августин,
жертва-выкуп

Поступила: 04.03.2024
Принята: 14.05.2024
Дата печати: 30.06.2024

*Права: © Чернов Л. С.,
Погорельская Е. Ю. (2024).
Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.*

Введение

Белорусский писатель Василь Владимирович Быков (1924—2003) известен прозой о Великой Отечественной войне и фильмами по его произведениям. В 1977 году фильм Ларисы Шепитько «Восхождение», снятый по повести В. Быкова «Сотников», получил на Международном Берлинском кинофестивале высшую награду — «Золотого Медведя». «Восхождение» остаётся образцом лучшего мирового и советского кино о войне, наряду с такими фильмами, как «Иваново детство» и «Летят журавли». По сценарию В. Быкова и по его одноимённой повести в 1965 году на советские экраны вышла «Альпийская баллада», а по повести «Пойти и не вернуться» снято несколько полнометражных художественных фильмов.

Если посмотреть на литературное творчество В. Быкова в его связи с кинематографом, то мы увидим значительный «дубляж» его прозаических произведений в произведения кинематографические, что указывает не просто на общий интерес к работам В. Быкова, но и на саму возможность передать средствами киноязыка то, что написано буквами на бумаге. Работы В. Быкова визуальны, наглядны, но при этом не просты и не примитивны. Вдобавок они не требуют дорогого бюджета на специальные эффекты, ибо изначально делают акцент на внутренний мир человека, а не на внешние обстоятельства. Способность воображения, присущая человеку по природе, антропологически, помогает здесь выразить наглядно-визуально то, что изначально задумывалось литературно. Воображение выступает посредником между зрением и памятью [17] и кино в данном посредничестве — удобный подручный инструмент и удобная оболочка. Вспоминая войну, В. Быков обращается к специфической глубине воображения, к той, которая находится в основании способности мыслить вообще. Вспомним, И. Кант пишет о продуктивной способности воображения как об условии существования индивида именно

как этого конкретного, определённого [10]. Однако согласимся, что без памяти Мнемозины [15] воображение в принципе как устойчивый определённый феномен было бы невозможно. Память своего рода норма, которая «является не просто особым способом регуляции поведения, а есть основная форма существования» [9, с. 10], для человека естественно «помнить». Память при этом может быть разной: долговременная, кратковременная, глубокая, постоянная, фотографическая, приближительная, выборочная.

Уже в 2012 году, после смерти самого писателя, Сергей Лозница делает по повести В. Быкова пронзительный фильм «В тумане» и эта разница в годах (повесть — фильм) указывает на то, что творчество В. Быкова остаётся современным и актуальным до сих пор, т. е. в историческом, «зрительском» и «литературном» времени. Характерно, что литературная «Пойти и не вернуться» написана в 1978 году, «Альпийская баллада» в 1963, а «Сотников» в 1970, т. е. значительно позже непосредственно описываемых военных событий, свидетелем и участником которых был сам писатель. Повесть «В тумане» датирована 1988 годом, когда после войны прошло более 40 лет и, как большинство работ В. Быкова, она написана на белорусском языке с последующим авторским переводом на русский.

Повторим, данное качество такой (длящейся во времени) кинематографичности военной прозы В. Быкова основано на том обстоятельстве, что автор постоянно удерживает в памяти те события, о которых он рассказывает. Кино здесь служит дополнительным аргументом и иллюстрацией данного специфического характера памяти. Военные события остаются у автора «перед глазами», они продолжают происходить как сейчас существующие в настоящем, постоянно длящееся настоящее, которое не уходит в беспамятство прошлого.

Это свойство памяти в прозе В. Быкова является уникальным и особенным, оно требует предварительного истол-

кования и дальнейшего анализа. Выше отмеченная визуальность, наглядность и длящаяся современность описываемых автором событий указывают нам на то, что автор «Сотникова» [8], «Его батальона», «Стужи» [7], «Карьера» [6] описывает и анализирует память специфическим образом. Рассмотрим этот способ понимания памяти.

Уже советская литературная критика обвиняла В. Быкова в «повторяемости», излишних и ненужных подробностях при описании военного времени [18, с. 301]. Сегодня, когда мы удаляемся от описываемого события — «война» и, — когда другие заботы и проблемы требуют от читателей и зрителей быстрых решений, вопрос о памяти войны становится крайне существенным. Мало того, что память сама по себе имеет свойство угасать, тускнеть, истончаться, есть и сознательное решение — не помнить, не хотеть знать, «уметь вовремя забыть», «отпустить». «Забыть травму», «не помнить плохого», «зачем беречь старое», «всех понять и всех простить» — эти и подобного рода установки и лозунги научают «выключать» память, научают не помнить, научают манипулировать памятью в целях злободневных и теперешних. Техника направляет думать о памяти как о некотором накопителе гигабайтов и, в конечном счёте пытается свести память к отчуждённой «объективной» информации, что, конечно же, сущности памяти не соответствует. Мы говорим: «купить ещё немного памяти», «вчера мне дёшево поставили на ноутбук дополнительную память» и т. д. Память объективируется, отцифровывается, обрабатывается, анализируется технически — статистически. На этом современном технологическом и специфическом культурном фоне проза В. Быкова, поэтика его творчества выглядят архаичными, несовременными, постоянно повторяющими одно и то же. Тем не менее, авторы данной работы убеждены, что творчество В. Быкова и тот способ отношения к памяти, который он в своём творчестве реализует — важны и значимы. Конечно, «до конца понять

автора невозможно, но в процессе интерпретации его произведения можно приблизиться к этому пониманию» [5, с.84]», — считает В.О. Богданова и авторы статьи с ней в этом согласны.

Обсуждение

В данной статье подробно рассматривается только повесть «Карьер». Другие работы В. Быкова вспоминаются в данной статье фрагментарно и выборочно, сообразно её логике и объёму. Авторы статьи выделяют при анализе памяти в этой повести, законченной писателем в 1985 году, два аспекта: мифологический¹ и религиозный. Предмет исследования — память, сама диктует у В. Быкова ракурс своего изучения и заставляет авторов статьи делать такие обобщения и выводы, которые могут первоначально показаться неожиданными и неочевидными.

Краткое описание сюжета повести «Карьер»

Фронтвик, партизан Павел Петрович Агеев, спустя много лет после войны приезжает в ту деревню, где он раненый провёл долгие месяцы, скрываясь от немцев и местных полицаяв. Агеев раскапывает карьер, на краю которого его и его товарищей расстреляли. Агеев чудом выжил и ему важно узнать то, что произошло с Машей, которую он послал на задание перед тем, как его арестовали. Машу схватили, но она не выдала Агеева и её судьба неизвестна. Сейчас, в послевоенном настоящем, где Агеев пенсионер и герой войны, он не находит иного способа узнать о судьбе Маши кроме как найти в карьере хоть какие-то следы тех событий. В нынешней послевоенной деревне

¹ Термин «мифологическое» крайне многозначен; в самом общем смысле мы употребляем его в значении специфического способа организации повествования о мире в целом. Характеристика мифа Б. Малиновским: «Миф — это реальность, в которой живут» поддерживалась А. Ф. Лосевым и традицией литературоведения в духе структурализма. Иначе — мифологическое архаично, но архаично так, что продолжает действовать и функционировать сейчас. Так архаичен архетип, продолжающий влиять на современного человека.

про Машу никто не помнит, она приехала к сестре на лето 1941 года. Агеев с Машей прожили целую маленькую жизнь в первый год войны и, жизнь эта закончилась тем, что Агеев умер, но выжил, а Маша пропала и осталась для Агеева в постоянно длящемся настоящем. Агееву важно узнать, расстреляли Машу тут, в этом же карьере, где и его, или, может быть, она выжила и была отправлена в плен и спаслась. Чувство вины не даёт Агееву нормально жить. В деревне его раскопки вызывают опасение, карьер в итоге запрещают рыть, а его родной сын смотрит на отца, как на чудака и безумца. В конце повести бульдозеры зарывают расстрельный карьер, а Агеев уезжает домой, так и не узнав, что случилось с Машей, которую он любил и, — скорее всего — отправил «на смерть».

Мифологический аспект понимания памяти в «Карьере» связан в первую очередь с тем свойством мифологического, которое обусловлено временным повтором, циклом. «Первобытный миф неизменно остаётся рассказом о прошлом, а прошлое источником всего субстанционального настоящего», — пишет Е. К. Мелетинский в «Поэтике мифа» [12, с. 176], — «... мифическое прошлое фактически экстермпорально и представляет собой некую мистическую реальность, как-то сосуществующую с эмпирической реальностью обыденной жизни на том же синхроническом уровне» [12, с. 176]. Слово «мистическое» не должно вводить нас в заблуждение и не должно придавать мифологической реальности оттенок сказочности. Мистическое — значит прошлое, которое отмечено особыми, важными событиями, характеристиками. Сегодня, с позиции настоящего большая часть исторических событий прошлого, особенно связанных с катастрофами, войнами, необъяснимыми решениями политиков (военных, художников) кажутся в буквальном смысле мистическими, во всяком случае, совершенно не рациональными и не разумными.²

² Совершенно необъяснимо решение американского правительства использовать вторую (!) атом-

С внешней, здоровой, естественной точки зрения, Агеев роет землю в карьере с целью обнаружить в нём хоть что-то, что бы рассказало ему о судьбе Маши. По сути он разрывает могилу, что с моральной и всяких других приличных сторон жизни — крайне странно. Но миф вне морали, вне психологии. То «субстанциональное настоящее», на которое указывает Е. К. Мелетинский и которое фактически «экстемпорально», т. е. вне времени, требует рыть и не останавливаться.

Вот характерное описание работы Агеева: «Под вечер из-за кладбища поднялась иссиня-чёрная туча, деревья тягуче зашумели, вытянув вершины все в одну сторону, трепетная листва тополей вывернулась под ветер своей серебристой изнанкой. Агеев подумал сперва: пронесёт, перегонит хмарь и опять будет солнце. Он не хотел вылезать из карьера, на сегодня осталось совсем немного — скрыть голый бугор под западным склоном» [6, с. 49].

Люди, которые спрашивают Агеева о рациональности и легитимности его действий (кто разрешил рыть, кто таков сам Агеев и проч.) не могут понять его поступков. И он сам, что характерно, не может в течение всей повести объяснить толком что он делает в карьере. Он просто роет, потому что надо, потому что этого требует его память, всё его нутро.

И люди, и природа сопротивляются Агееву. И местные жители, и родной сын, и поселковое и районное начальство, — не только не поддерживают Агеева, — даже не сочувствуют ему, не говоря о помощи. Официально он фронтовик, «честь ему и хвала», корочки ветерана у него есть; официально — на площади посёлка стоит обелиск с написанными на нём именами погибших. После войны Агеев защитил диссертацию и работал в институте, наладил семейную жизнь. Но память о войне, о Маше, о карьере — всё это прошлое

время не давали ему покоя и вот сейчас он практически, буквально, — в прямом смысле слова роет землю. «Умершая» (скорее всего расстрелянная) Маша для Агеева жива, поскольку он сам «экстемпорален», т. е. находится во временном «здесь» — после войны и в прошлом «там», где он молод и влюблён.

Существенно сравнение мёртвого и живого «внутри Агеева» со сценой захоронения мёртвых как живых в повести Быкова «Его батальон». Например, убитых в бою санинструктора Веретенникову Веру и лейтенанта Самохина («фронтовая любовь, невенчанная жена») положили рядом в могилу. «Пусть лежат, тут уже никого бояться не будут», — сказал один из солдат [6, с. 287]. Живыми они боялись пересудов и людской молвы. Чтобы хоть как-то исправить лицо телефониста Чернорученко, перед могилой его уже мёртвого перевязали, привели в соответствие с тем лицом, которые было у солдата-телефониста при жизни. «Лица телефониста было не узнать, так его изуродовало разрывом гранаты, и Волошин тихо сказал — Ребята, перевязать бы надо» [6, с. 286—287]. В разговоре с выжившими в блиндаже солдатами Волошин услышал, что их спасли свои же мёртвые, которые завалили телами стены и дверь блиндажа так, что немецкие гранаты и пули не смогли до живых достать. Такое смешение, сцепление живого и мёртвого, их неразличимость и плотное сосуществование указывают на особое место, в котором происходят описываемые события — война и, на особое настроение людей внутри этого события. Герой «Карьера» Агеев живёт в двух временах одновременно с точки зрения исторической хронологии и в одном времени с точки зрения своей памяти: мёртвые для него живы.

Используя такую образную характеристику мифологического восприятия мира как «ужас перед историей» (М. Элиаде), мы узнаём в Агееве такого человека. Это он «испытывает ужас» перед историей, который, повторим, проявлен не только и столько в ужасных воспоминаниях и чувстве вины

ную бомбу в Японии; крайне сложно объяснение т. н. «греческого чуда» времён Сократа-Платона-Аристотеля; мистична русская революция, вне разума Освенцим или смерть Симоны Вайль.

перед Машей, а в том, что его никто не понимает и даже он сам ясно и отчётливо не может сказать себе, что тянет его в карьер. «История» в этом случае суть то, что требует забыть прошлое. «...историческая память — ... невыносима...» [19, с. 84] — пишет М. Элиаде. Она невыносима, потому что есть падение, от-стояние от первичного акта создания-творения мира. Историческая память невыносима потому, что в ней много греха, потому, что она напоминает о плохом, стыдном, страшном. И — через воспоминание о Том Большом прошлом, о том прошлом, в котором происходили важнейшие события человека, ужас перед историей становится не таким страшным [20]. В отношении Агеева такое напоминание — попадание «прямо в точку». От стыдится того, что дал неопытной Маше задание, стыдится вины за её смерть и неизвестность о ней.

Мифологический человек чувствует потребность «... освободиться от воспоминаний о «грехе», т. е. от последовательности «персональных» событий, совокупность которых образуют «историю» — пишет Элиаде [19, с. 84]. Рытье карьера т. о. — это специфический ритуал, который овеществляет абстрактный мифологический императив «помнить!». Миф не может жить только разговорами о прошлом, только долженствованием, он обязательно закрепляется вещественно: «человек в своей практике вносит изменения в координацию расположенных вокруг него объектов... Хронотоп войны задает свою специфику координации объектов на поле боя» [11, с. 30]. И Агеев, помимо того, что всем существом переживает и помнит прошлое — ритуально конкретно (буквально) роет землю. Разрывание карьера — это и есть попытка возродить время, проникнуть в то, что случилось когда-то. Повторим: рытье земли в карьере с целью обнаружения останков убитого человека в мирное время, спустя годы после возможного убийства воспринимается как действие абсурдное, противоречащее здравому смыслу, как действие ненормальное. В

этом смысле мифологическое восприятие мира, времени, себя во времени — конечно, ненормально. Однако, мифологический человек, сопротивляясь «ужасному» времени истории, приобретает в итоге нечто важное — а именно способность возродиться. Не измениться, не улучшиться, не трансформироваться — а именно возродиться. Агеев хочет родиться заново, возродиться в то время, когда он отправил Машу на задание, которое она не должна была исполнять. Он хочет вернуться туда, где бы он мог отменить своё решение, туда, где они любили друг друга. Для такого рода возрождения ему необходимо конкретное, вещественное, определённое действие, становящееся для него ритуалом, обязательным воплощением памяти. Иначе память останется «внутри» и будет только психологической.

Настроения «отмены истории» и попытки её отмены в человеческой культуре это — ожидание апокалипсиса, ожидание последних времён, катастрофические настроения, ритуалы, сопровождающие смены эпох и т. д. («отменой истории» занимался Дон Кихот, который никак не хотел мириться с новой эпохой «без рыцарей»; «отменой истории» озадачены лидеры и вожди крупных социальных революций). Но постоянное «возрождение времени» и постоянная отмена истории — должны быть вместе. История с одной стороны отменяется, ибо она невыносима и «дальше — хуже», а с другой стороны, необходимо «постоянное возрождение времени», ибо жить вне времени невозможно даже мифологическому человеку. Подчеркнём: во времени, но не в истории.

Спрашивается, а зачем сопротивляться истории, зачем возрождаться, зачем повторять те или иные ритуальные действия? Ответ прост — чтобы быть живым. «... это повторение, актуализируя мифический момент, в котором было явлено архетипическое действие, бесконечно удерживает мир в одном и том же рассветном мгновении начал...Время не имеет никакого

влияния, ибо оно непрерывно возрождается» [19, с. 91]. Удерживание в «рассветном мгновении начала» — это попытка уйти от власти исторического времени, это попытка быть свободным и независимым от возраста, от обстоятельств, от т. н. прогресса. Начало есть веер всех возможных исходов, следовательно, чувствование себя в начале — это максимальная полнота чувствования многообразия возможного будущего живого.

Та память, которой Агеев помнит прошлые события, нацелена в действительности не на прошлое, а на сегодняшнее настоящее. Это означает, для Агеева, что внутри его памяти события как бы остановились, он помнит войну максимально интенсивно, он постоянно думает о том, какие решения принимал и какие поступки совершал. Отсюда его настроение и отношение к тому знанию — умерла тогда Маша или нет. Но окружение Агеева живёт в будущем [13], в том времени, когда война закончилась, обелиск героям поставлен и рыть карьеры не следует, не следует заикливаться на прошлом, «застреливать на нём», пытаться воскресить мертвых, не следует жить вчерашним днём, нужно смотреть вперёд.

Если память о прошлом, в таком её виде, в котором она описана применимо к Агееву, делает его живым, то память противоположного рода, соответственно — омертвляет. Вспомним детскую песенку из популярного мультфильма: «Может, мы обидели кого-то зря — // Календарь закроет этот лист. // К новым приключениям спешим, друзья, // Эй, прибавь-ка ходу, машинист!». За внешней оптимистичностью и радостностью скрывается равнодушное отстранённое отношение к тому, кого мы зря обидели и даже не попросили прощения.

Рассматривая следующий пункт анализа памяти в «Карьере», мы увидим то общее, что связывает религиозное и мифологическое в отношении прошлого. Этим общим будет отношение к прошлому как к жертве.

Религиозный аспект понимания памяти в повести В. Быкова «Карьер»

связан с тем пониманием (чувствованием и осознанием) времени, которое присуще верующему христианину.¹ Память оказывается сильнее времени в его земном значении. Наглядным доказательством тому служат слова Христа, сказанные о том преступнике, который был казнён вместе с Ним: «... истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23:43) [4]. Это был ответ на просьбу: «...помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое». Искренняя просьба уверившего о памяти и упование на память смогли уничтожить те прегрешения и следы злых поступков, за которые преступник был осуждён (заметим — справедливо со стороны земного закона).

Силу и мощь памяти мы видим в православных молитвах, в которых обращаются к Богу с просьбами о сохранении душ живущих и спасении душ умерших людей. Перед ежевечерней молитвой «Исповедание грехов повседневно» молитва, начинающаяся со слов «Ненавидящих и обидящих нас прости, Господи Человеколюбче» четыре раза использует слово «память», дабы охватить целиком всех тех, кто дорог молящемуся. Сюда входят и умершие, и плененные, и праведники, и родные близкие. Память предваряет просьбу о спасении, является её предварительным этапом, как будто нельзя сразу просить и молиться о спасении. Получается, что нельзя, поскольку сначала нужно вспомнить («мнить», «думать», «помыслить» — так этимологически расшифровывают «память»), а потом уже «с этой мыслью» что-то делать.

Верующий каждый день перед сном молится о даровании «памяти смертной» (молитва Иоанна Златоуста). При этом, в следующей молитве, согласно вечернему правилу, молящийся просит: «... изми мя от уст пагубного змия, зияющего пожрети мя и свести во ад жива». Сочетание смертного и живого

¹ О других мировых религиях мы здесь специально не говорим, но призыв «думать о смерти» присутствует во всех религиях без исключения, мировых и национальных, ранних и развитых.

таково, что с одной стороны молящийся всегда ежедневно помнит о смерти, а с другой — даже после смерти он, ужасаясь ада, понимает, что будет живым. В строгом смысле слова для верующего христианина смерть невозможна, ибо если бы она была возможна, то не было бы страха перед адом и воздаянием. Поскольку было бы не ясно кто страдает, ведь мёртвое страдать не может. Поэтому выбор верующего — это выбор между вечными муками и вечной жизнью в смысле благодати. Либо жизнь там, либо жизнь тут. Таким образом, «смертная память» — это память о том, что ты будешь живым либо в аду, либо в раю и смерть — это только граница между этими двумя состояниями и молитва призывает помнить о том, что ещё не случилось, но что ещё будет.

Православная икона «Сшествие во ад» иллюстрирует положение не только о том, что Адам и Ева живы после смерти и будут спасены, но и тот важный факт, что это событие будущего уже было. Второго Пришествия не было, окончательного Суда не произошло и, — в каждую Страстную седмицу христиане оплакивают распятого Христа, зная, что скоро наступит Пасха и, зная, что есть канонически написанная икона «Сшествие во ад», которая изображает событие Воскресения. Такое сочетание знания о «правильном» будущем не только не исключает искренность страдания в Страстную неделю, но обязательно предполагает его. Эта возможность и её реализация основываются на единстве трёх времён: прошлого / настоящего / будущего.

«Смертью» оказывается жизнь без Бога, жизнь, которая прерывается с распадом физической оболочки, тела. И — если мы понимаем жизнь как существование «белковых тел» — то смерть, соответственно, определяется как распад и тление этих тел. Все последующие после смерти культурные церемонии и события в виде строительства памятников, обелисков, мавзолеев, надгробий, празднования праздников, воспоминаний «на словах» — лишь формальное обрамление реальной смерти, некото-

рая конвенция, договорённость вспоминать мёртвых, как живых, зная, что они мертвы.

Агеев пытается противостоять такому конвенциональному пониманию мёртвого как живого. Он пытается жить в единстве трёх времён — прошлого, настоящего и будущего, оказываясь в этой попытке «наследником» Августина и М. Хайдеггера.

Напомним, в «Исповеди» Августин даёт ёмкую характеристику того, что есть память: «...настоящее прошедшего — это память» [1, с. 222]. Две других способности души — созерцание и ожидание, соответственно, отвечают за «настоящее настоящего» и «настоящее будущего». Настоящее — суть времени. Оно не имеет длительности, но измеримо в душе [1, с. 228]. Память становится зависимой от времени, но при этом — конкретизирует настоящее в прошлом, иначе — без памяти прошлое как настоящее невозможно. Усилим: без памяти прошлое вообще невозможно, ибо если не будет памяти о прошлом, то не будет и времени, как прошлого, а значит, время будет в небытии, что для Августина (как философа — платоника) невозможно. Позднее М. Хайдеггер назовёт единство трёх времён (настоящего, прошедшего и будущего) «временностью» [16, с. 326], и с точки зрения памяти о будущей смерти это логически правильно. Целевая причина Аристотеля находится впереди предмета, а не позади его и временность М. Хайдеггера подчёркивает единство потока трёх времён, объединённых в целое. И, если бытие человека принадлежит такому пониманию времени, то акцент в этом времени дан на будущее — «заботу» и «смерть». Сугубо философски, т. е. аналитично — логика М. Хайдеггера, предложенная им в отношении «присутствия» (так перевёл Dasein В. В. Биbihин) в «Бытии и времени», вписывается в схему понимания смерти верующего христианина. Смерть как будущая граница постоянно, неустанно принуждает помнить о себе.

Возвращаясь к постановке вопроса Августином в «Исповеди», следует те-

матически реконструировать тезис «... настоящее прошедшего — это память» в контексте «Исповеди». Самым существенным с нашей точки зрения является связь памяти, как «настоящего прошедшего» с идеей выкупа за принесённую жертву. Об этом говорится в последней (43 главе) Десятой книги «Исповеди». Эта глава предваряет ту главу, в которой Августин разбирает «только время» (глава Одиннадцатая). Но без этого понимания «жертвы-выкупа» дальнейшие рассуждения о времени в «Исповеди» понять крайне затруднительно.

Одиннадцатая книга «Исповеди» посвящена времени, его созданию и существованию. За этими вопросами стоит вопрос вопросов — вопрос бытия Бога во времени. Августин прямо утверждает Бог — создатель времени [2]. Время — самая очевидная и первичная реальность, которая, казалось бы, может многое объяснить в мире, например — развитие, изменение, деградацию чего-либо или кого-либо, т. н. эволюцию, исторические процессы и проч. В этом смысле время — сродни языку: пока не скажешь, тебя не поймут, но обязательство говорить — не исключает возможности того, что тебя всё равно не поймут и того, что несказанное существует, т. е. всё-таки находится в бытии. В 31 книге главы Одиннадцатой, т. е. в самом завершении этой главы, Августин делает вывод о связи времени и Бога — «Ты постигаешь его (время — *Л. Ч., Е. П.*) гораздо чудеснее и гораздо таинственнее» [1, с. 232]. Но тайна Бога не отменяет нашей, человеческой способности и необходимости время понимать и исследовать. Исследование времени Августином в этой главе сводится к следующему: время создано; время собственно суть настоящее; измеряется время в душе человека; память удерживает время-настоящее и она делает человека целостным [20].

Выводы из этих положений объясняют нам фундирующую роль памяти в существовании-бытии человека вообще. Без памяти невозможна целостность личности, которая максимально интен-

сивно переживает момент настоящего теперь. Если этого чувствования настоящего, т. е. памяти, нет, то человек оказывается «низвергнутым во время» [1, с. 231] и, время его, по словам Августина — «раздирает в клочья». Противостоит целостности рассеянность, не сосредоточенность, беспамятство. «Жизнь — это рассеяние между памятью и ожиданием» [1, с. 230] — подчёркивает Августин. Милость Бога — это способность преодолеть рассеяние, «собрать себя» [1, с. 230] и это «не рассеиваться» — цель адепта, цель поиска. Это, согласно епископу Гиппонскому — «высшая милость»¹ Божества. Итак — цель, условие для понимания времени в единстве — не рассеянность, цельность, сосредоточенность.

Именно эти качества присущи Агееву и другим героям повестей В. Быкова (Зосе из повести «Пойти и не вернуться», капитану Волошину из «Его батальона»). Пока же человек — «раздирается в клочья», т. е. не целостен и «низвергнут во время». С точки зрения того прошлого, которое «уже прошло» и в котором «всё уже решено» цельность памяти, единство времени — не обязательны и даже вредны. Зачем рыть землю и искать в ней неизвестно что, если памятники поставлены, герои награждены и враги заклеены? Что изменится от того, что Агеев, допустим, найдёт доказательство спасения Маши. Что произойдёт, что поменяется в жизни местных сельчан, в жизни общества, в жизни Агеева и его сына. Кажется, что ничего — «только лишь знание» о том, что она осталась жива и Агеев не виновен в её смерти.

Однако, единство памяти Агеева озабочено этим знанием; единство того времени, в котором он живёт, не позволяет прошлому просто уйти в небытие и стать мёртвым архивом библиотеки истории. Это знание может изменить его жизнь сейчас, в настоящем, в послевоенном будущем. Агеев не молод,

¹ Вопрос соотношения личного действия и «милости-благодати» мы здесь не рассматриваем, руководствуясь формулировкой самого Августина: «желание благодати есть само действие благодати».

он пенсионер, он сам скоро уйдёт из земной жизни и то событие прошлого, которое заставляет его думать о себе и которое осталось туманным, не прояснённым, не позволяет ему ясно, отчётливо, прямо взглянуть на самого себя. Как Августин в «Исповеди» пишет, что Тот, к кому он обращается — принёс «жертву за нас» [1, с. 206] и он постоянно думает о выкупе, о плате за эту жертву: «Я думаю о моём выкупе» [1, с. 206], так и Агеев думает о Маше как о жертве.

Таким образом, память — это плата за выкуп, за принесённую жертву. Не будет памяти, не будет необходимости отдать выкуп, а значит — не будет дела спасения, основного дела и цели всякого верующего. Седьмая, последняя глава повести «Карьер» завершается сценой рыдания Агеева, когда он слышит и понимает, что бульдозеры ночью (!) зарывает «карьер его памяти»: «Он плакал долго и самозабвенно, как это случалось некогда с ним в раннем детстве, о себе и о них, неизмеримых человеческих страданиях, которые, оказывается, ни для кого не проходят бесследно. Наученный жизнью, он уже понимал, что за всё надо платить ... Платит, конечно же, тот, кто менее всего повинен (выделено — Ч. Л., П. Е.), кто не рассчитывает на выигрыш, кто от рождения обречён давать...» [6, с. 287]. Маша оказывается жертвой, тем выкупом, плату за который следует отдать и, — этой платой в частности, помимо другого, является постоянная, непрекращающаяся память о выкупе. Жертва и в мифологическом, и в религиозном аспектах — суть самый важный и смыслообразующий ритуал устройства мира. Она, как жертва Авраама (С. Кьеркегор), вне логики, вне рассудка, вне чего либо, но не вне памяти, ибо свойство жертвы — не быть в прошлом. Она приносится постоянно, всегда, а не была принесена когда-то давно и поэтому о ней, дескать, можно помнить лишь как о событии прошлого.

Тому плачу Агеева, о котором было сказано выше, в начале Седьмой главы повести предшествует сон. В том

сне Агеев растворяется в «пустом пространстве», в некотором «пугающем» месте. Сам Агеев характеризовал свой сон как «грозный» и «загадочный». В сне Агеев чувствует, что «выпал из времени», ему «тревожно», «он боится», «страдает». Он превращается в боль, страдание, «в муку» и у него не остаётся ничего, кроме «воспоминания и воображения себя» [6, с. 281]. Он понимает, что умер и В. Быков прямо пишет, что это «страсти». Эти страсти «напомнили» ему тот расстрел на краю карьера, когда он, не выдав товарищей, упал как бы убитый в карьер и чудом потом смог выжить. Таким образом, «Карьер» завершается страхом смерти и тем, что смерть героя наступит без определённого итога, без положительного знания о судьбе Маши. Эта душевная смерть повторяет ту физическую смерть, которая произошла с ним во время войны и эта вторая смерть во сне ужаснее и мучительнее той первой смерти.

Заключение

Василь Быков продолжает анализировать человека там, где выбор уже совершён, в ситуации пост-экзистенциальной. Выбор не просто нужно сделать, он не просто важен и должен произойти, он произошёл и с ним нужно жить. война, как оказывается — не самое страшное событие в жизни человека, страшнее воспоминание о ней¹, точнее — не воспоминание. Приходится жить в ситуации «после выбора» и это может быть сложнее, чем сделать сам выбор.

Василь Быков, как и его герой Павел Агеев, являются свидетелями войны и свидетельствуют о том, что происходило в прошлом. Парадокс именно таких свидетельств — страшных, невыносимых, запредельных с точки зрения обычной человеческой психологии, анализирует Дж. Агамбен. «Апория свидетельства» [3, с. 172], согласно Агамбе-

¹ Смерть поэта Пауля Целана иллюстрирует положение о том, что память о трагедии может быть страшнее и ужаснее самой трагедии. Пережив ужас лагеря в молодости, он не смог в дальнейшем пережить ужас памяти о лагере.

ну, погружает свидетеля в пространство между живыми и мёртвыми. Кажется, что свидетель может рассказать о случившемся беспристрастно, объективно, как «сторонний свидетель», но при этом он говорит о том, что с ним произошло как со «страдательным субъектом». Иначе невозможно, поскольку как узнать о том, что в действительности произошло, кроме «свидетеля» нет очевидца. Но поскольку то, «что произошло», выходит за границы разумного, человеческого, здравого, нормального, приемлемого, то кажется, что свидетель либо не объективен, либо вообще ничего не может сказать о том, что было. В таком состоянии свидетельства невозможность сказать, невозможность существования языка сближает позицию живого и мёртвого и возникает необходимость «... приступить к говорению на живом языке так, словно тот мёртвый, или на мёртвом языке, словно тот живой ... в любом случае за пределами ... уже сказанного» [3, с. 170]. Так Агеев сам не понимает до конца своих поступков. Он, конечно, хочет быть живым, хотя во время войны его уже убили, но не знание о судьбе Маши оставляет его в этом жутком промежутке между живым и мёртвым. Память играет с ним здесь злую шутку, но именно она позволяет назвать его и свидетелем события войны, и его участником [14], и тем, кто может в языке, как писатель, художник об этом событии рассказать нам.

Список источников

1. Августин, А. Исповедь / А. Августин. — М., 2000. — 464 с.
2. Августин, Аврелий. Об истинной религии. Теологический трактат: сборник научных трудов / Августин Аврелий. — Москва : Директ-Медиа, 2009. — 2913 с. — Режим доступа: по подписке. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=42629> (дата обращения: 04.03.2024). — ISBN 9785998915000. — Текст: электронный.
3. Агамбен, Д. Homo Sacer. Что остаётся после Освенцима / Д. Агамбен. — М., 2011. — 192 с.
4. Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового Завета. Russian Orthodox Bible. United Bible Societies. 1991. — 1372с.
5. Богданова, В. О. Множественность интерпретаций как способ самопознания / В. О. Богданова // Социум и власть. — 2022. — № 2(92). — С. 83-95. — DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-83-95. — EDN GAEZGE.
6. Быков, В. Карьер / В. Быков. — М., 1990. — 384 с.
7. Быков, В. Повести: Дожить до расвета; Его батальон; Волчья стая; Сотников; Обелиск / В. Быков. — Минск, 1988. — 638 с.
8. Быков, В. В. Сотников: повести: [12+] / В. В. Быков. — Москва : Агентство ФТМ, Лтд, 2017. — Т. 10. — 145 с. — Режим доступа: по подписке. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=459753> (дата обращения: 04.03.2024). — ISBN 978-5-4467-3046-9. — Текст: электронный.
9. Жилина, В. А. Проблема онтологизации нормативного бытия в религиозной практике человека / В. А. Жилина, К. М. Креписов // Социум и власть. — 2022. — № 1(91). — С. 7-14. — DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-07-14. — EDN UUMHMF.
10. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. О. Лосского. — СПб., 1993. — 526 с.
11. Лукин, А. Н. Хронотоп войны начала XXI века: военно-философский аспект / А. Н. Лукин, С. С. Домрачев // Социум и власть. — 2023. — № 2(96). — С. 27—37. — DOI: 10.22394/1996-0522-2023-2-27-37. — EDN IWWNLD.
12. Мелетинский, Е. К. Поэтика мифа / Е. К. Мелетинский. Институт мировой литературы РАН, 4-е — изд. — М., 2000. — 407 с.
13. Мясникова, Л. А. Обращение к прошлому как источнику обновления / Л. А. Мясникова // В архив за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства: коллективная монография. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011. — С. 11—15.

14. Фатенков, А. Н. Память и экзистенция в отголосках войны / А. Н. Фатенков // *Философия и культура*. — 2016. — № 1 (97). — С. 108—116. — DOI: 10.7256/1999-2793.2016.1.16264. — EDN VKWRJP.

15. Хайдеггер, М. Что зовется мышлением? / пер. с нем. Э. Н. Сагетдинова. — М.: Академический проект, 2015. — 351 с.

16. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — М., 1997. — 452 с.

17. Чернов, Л. С. Время кино / Л. С. Чернов. — Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый. — 2021. — 214 с.

18. Шагалов, А. А. Василь Быков. Повести о войне / А. А. Шагалов. — М., 1989. — 302 с.

19. Элиаде, М. Космос и история / М. Элиаде. — М., 1987. — 312 с.

20. Chernov, L. Personal Memory and Memory of History / L. Chernov, E. Pogorelskaia // *Journal of Siberian Federal University. — Humanities & Social Sciences*. — 11 (2015 8). — 2734—2742. — DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-2015-8-11-2734-2742>.

References

1. Avgustin, A. (2000) *Ispoved'* [Confession]. Moscow, 464 p. (in Russ).

2. Avgustin, Avrelij. (2009) *Ob istinnoj religii. Teologicheskij traktat: sbornik nauchnyh trudov* [About the True Religion. The Theological Treatise: A Collection of Scientific Works]. Moscow, Direkt-Media, 2913 p., available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=42629> (accessed 03.03.2024) (in Russ).

3. Agamben, D. (2011) *Homo Sacer. Chto ostajotsja posle Osvencima* [Homo Sacer. What Remains After Auschwitz]. Moscow, 192 p. (in Russ).

4. Biblija. Knigi svjashennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta. (1991) [The Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Russian Orthodox Bible. United Bible Societies, 1372 p. (in Russ).

5. Bogdanova, V. O. (2022) *Mnozhestvennost' interpretacii kak sposob samopoznaniya* [The Multiplicity of Interpretation as a Way of Self-Knowledge]. *Sotsium i vlast/Society and Power*, no. 2 (92), pp. 83-95. DOI:

<https://doi.org/10.22394/1996-0522-2022-2-83-95> (in Russ).

6. Bykov, V. (1990) *Kar'er* [Quarry]. Moscow, 384 p. [in Rus].

7. Bykov, V. (1988) *Povesti: Dozhit' do rassveta; Ego batal'on; Volch'ja staja; Sotnikov; Obelisk* [Stories: To Live Until Dawn; His Battalion; Wolf Pack; Sotnikov; Obelisk]. Minsk, 638 p. (in Russ).

8. Bykov, V. V. (2017) *Sotnikov: povesti* [Sotnikov: Stories]. Moscow, Agentstvo FTM, Ltd, vol. 10, 145 p., available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=459753> (accessed 04.03.2024) (in Russ).

9. Zhilina, V. A., Krepisov, K. M. (2022) *Problema ontologizacii normativnogo bytija v religioznoj praktike cheloveka* [The Problem of Ontologization of Normative Existence in Human Religious Practice]. *Sotsium i vlast/Society and Power*, no. 1 (91), pp. 07-14. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-07-14 (in Russ).

10. Kant, I. (1993) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason] / trans. from German by N. O. Losskogo. Saint Petersburg, 526 p. (in Russ).

11. Lukin, A. N., Domrachev, S. S. (2023) *Hronotop vojny nachala XXI veka: voenno-filosofskij aspekt* [Chronotope of the War of the Beginning of the XXI Century: Military and Philosophical Aspect]. *Sotsium i vlast/Society and Power*, no. 2 (96), pp. 27-37. DOI: <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2023-2-27-37> (in Russ).

12. Meletinskii, E. K. (2000) *Pojetika mifa* [The Poetics of Myth]. Moscow, 407 p. (in Russ).

13. Myasnikova, L. A. (2011) *Obrashenie k proshlomu kak istochniku obnovenija* [Turning to the Past as a Source of Renewal] / *V arhiv za biznes-planom, ili Kul'turno-istoricheskoe nasledie Ekaterinburga kak resurs obnovenija i razvitiya turizma i gostepriimstva*. Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet, pp. 11-15 (in Russ).

14. Fatenkov, A. N. (2016) *Pamjat' i jekzistencija v otgoloskah vojny* [Memory and Existence in the Echoes of the War]. *Philosophy and Culture*, no. 1, pp. 108-116, doi 10.7256/1999-2793.2016.1.16264, available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=67436 (in Russ).

15. Heidegger, M. (2015) Chto zovetsya myshleniem? Moscow, Academic Project, 351 p.

16. Hajdegger, M. (1997) Bytie i vremja [Being and Time]. Moscow, 452 p. [in Rus].

17. Chernov, L. S. (2021) Vremja kino [Movie Time]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 214 p. (in Russ).

18. Shagalov, A. A. (1989) Vasil' Bykov. Povesti o Vojne [Vasil Bykov. Tales of War]. Moscow, 302 p. (in Russ).

19. Eliade, M. (1987) Kosmos i istorija [Cosmos and History]. Moscow, 312 p. (in Russ).

20. Chernov, L., Pogorelskaia, E. (2015) Personal Memory and Memory of History. Journal of Siberian Federal University. *Humanities & Social Sciences*, 11 (2015 8), pp. 2734-2742. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-2015-8-11-2734-2742> (in Russ).

For citing: Chernov, L. S., Pogorelskaya, E. Yu. (2024) Religious and mythological aspects of memory of the Great Patriotic War in the works of Vasil Bykov. *Sotsium i vlast/Society and Power*, no. 2 (100), pp. 7—20. DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-07-20 (in Russ).

UDC 128

EDN HPNTJY

DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-07-20

RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL ASPECTS OF MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE WORKS OF VASIL BYKOV

Leonid S. Chernov,

Ural State Mining University,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Cultural Studies,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0003-2277-2899
E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Elena Yu. Pogorelskaya,

Autonomous non-profit organization
of higher education "Humanitarian University", As-
sociate Professor of the Department
of Socio-Cultural Service and Tourism,
Cand. Sc. (Philosophy).
Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0002-9723-465X
E-mail: schreibigus@mail.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes the problem of memory of the Great Patriotic War in the story "Quarry" by the Belarusian writer Vasil Bykov. The memory of the War, as the authors of the article demonstrate, has special qualities and characteristics for those who participated in it, for those who really want to remember the War and really remember it.

The purpose of the study. The paper shows how it is possible to interpret the phenomenon of memory in mythological and religious modes based on the material of V. Bykov's novel "The Quarry". **Methods.** The article uses the phenomenological method of A. Augustine and M. Heidegger, which leads to the existential time series of the "inner man", as well as the method of creative hermeneutics, which allows to trace stable semantic structures behind the artistic canvas of V. Bykov's text. The scientific novelty of the research. The mytho-

logical aspect of memory returns the characters to the point and event of the "beginning", in which the formation of an integral self-aware personality took place, into an ontological event constituting the foundation of human identification. Such an event is a tragic, existential event. This event remains relevant in memory, not transient, not disappeared, and determines the characteristics of the subject-memory all his life. This aspect of memory is opposed to "historical time", according to which the past has already passed in memory; one should live and think today-the present and the future. The religious aspect of the story's memory, as interpreted by the authors of the article, lies in the importance of memory, which it has in overcoming the power of time. Based on Augustine's analysis, proposed by him in Confessions, the authors bring together the logic of V. Bykov's memory research in this story and the reasoning of Bishop Hippo.

Results. Memory endows the events of the past with living qualities of the present time and, thus, memory as a "memory of the sacrifice-ransom", on the one hand, constantly encourages a Christian believer to think about death, and on the other hand, it is also an instrument of victory over it. In the matter of salvation, a religious person must remember himself, his deeds/offenses, his loved ones, the sacrifice of those and the One who re-deemed this life and life in general with his death. In popular culture, in the religious worldview, in the historical attitude to life, such an attitude to memory is denied and causes misunderstanding. Hence, the attitude to the memory of the War in V. Bykov's work seems outdated, archaic and irrelevant, which the authors of this article disagree with.

Conclusions. The authors of the article conclude that the position of the writer front-line soldier V. Bykov in relation to the memory of the War is the position of "paradoxical evidence" and this position allows the author to really, most reliably and psychologically accurately describe from the "inanimate world" that area of the dead, terrible, inhuman that War creates and produces. And it turns out that it is necessary to remember this and think about it in order to be truly alive.

Keywords:

Vasil Bykov,
the story "Quarry",
war,
death,
Augustine,
sacrifice-ransom

Received: 03/04/2024

Accepted: 05/14/2024

Published: 06/30/2024

Copyright: © Chernov L. S.,

Pogorelskaya E. Yu. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.

Open access under CC BY-NC License 4.0.